

Наталья Басс

ДИРЕКТОРСКАЯ
СЕРИЯ

GARAGE

САМАРСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ

05

ПОЛВЕКА В МУЗЕЕ

Аннэта Басс

12+

Директорская серия

Наталья Басс

Аннэ́та Басс. Полвека в музее

«ВЕБКНИГА»

2026

УДК 069(091)(47+57)

ББК 85.101

Басс Н.

Аннэта Басс. Полвека в музее / Н. Басс — «ВЕБКНИГА»,
2026 — (Директорская серия)

ISBN 978-5-6053721-4-1

Аннэта Яковлевна Басс (1930–2006) была связана с Самарским областным художественным музеем столь тесно, насколько только могут быть переплетены судьба человека и учреждения культуры. Поступив на работу сразу после окончания университета, уже через пять лет она возглавила музей и посвятила ему полвека вдохновенного служения. Под ее руководством провинциальный музей превратился в значимый культурный центр, расширил коллекцию, поддерживал исследования о самарских художниках, спас более четырехсот полотен авангарда, стал участником крупных выставок в стране и мире. Эта книга, написанная дочерью Аннэты Яковлевны, выросшей бок о бок с музеем, – не просто биография, а теплое повествование, в котором из событий и воспоминаний проступает образ «великой маленькой женщины», сохранившей и приумножившей богатство самарского собрания. Наталья Басс (род. 1966, г. Куйбышев) – архитектор-реставратор, кандидат архитектуры, член Союза архитекторов России. Автор реализованных проектов реставрации в Санкт-Петербурге, Самаре и Самарской области, Оренбургской области, а также ряда публикаций по архитектурной тематике. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

УДК 069(091)(47+57)

ББК 85.101

ISBN 978-5-6053721-4-1

© Басс Н., 2026
© ВЕБКНИГА, 2026

Содержание

Предисловие автора	7
1	9
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Басс
Аннэта Басс
Полвека в музее

Все права защищены

© Музей современного искусства «Гараж», 2026

© Наталья Басс, текст, 2026

© Наталья Шендрик, макет, 2026

Предисловие автора

Воспоминания как бусины: нанизываются на нить и скользят по ней, когда их перебираешь. У мамы были деревянные бусы на красной нити – с цветочками на каждой из квадратных бусин. Их можно было передвигать парой, а можно и по одной... Воспоминания о маме нанизываются на главную нить ее жизни – любимый музей. Иногда я боюсь, что не успею все ухватить и все записать, настолько многогранной она была – моя мама и директор художественного музея. Я до сих пор не могу осознать, что для нее было более важным в жизни – музей или семья, как она успевала все это сочетать. Оказалось, важным было все: иначе и не могло быть в судьбе человека, который соединил время. А ведь именно так говорила о себе сама Аннэта¹ Басс: «Я – человек, соединяющий время». Кому это под силу? У героев всегда есть свои имена. Маму называли Хранителем, Служителем Вечности, Берегиней, Дипломатом, Созидателем, Мифологом, Олимпийцем. Что стояло за всем этим? Мудрость, знания, воля, талант, обаяние, смелость, энергия действия. Понимание своего Пути.

Мысленно листаю мамину записную книжку: фамилии, адреса и телефоны – ее контакты, ее жизнь. Держу в руках ее любимое кольцо с кораллом – подарок из Улан-Удэ с напутствием, что этот коралл приносит счастье. Мне кажется, что его было много в жизни мамы.

Вся ее жизнь – череда выдающихся событий, связанных с любимым музеем, а также люди, с которыми она общалась: сотрудники, коллеги, друзья и семья. Но только когда внимательно изучаешь материалы о ней, просматриваешь сотни фотографий и «многотомное собрание» ее писем, только тогда начинаешь понимать глобальный масштаб ее личности.

Мысли торопятся и перепрыгивают с темы на тему, хочется рассказывать и рассказывать, как из обычной советской школьницы вырос талантливый искусствовед, успешный директор, повысивший статус провинциального музея практически до музея мирового уровня, неравнодушный человек, продвинувший «искусство в массы».

Приведу здесь такой факт: в одну из поездок в Америку мама участвовала в работе конференции, на которой собрались директора и представители крупнейших музеев мира. Все началось с объявления, что в зале присутствует человек, который проработал в одном музее почти 50 лет. Аннэту Яковлевну Басс попросили встать, и все присутствующие аплодировали этой маленькой женщине, выражая свое безграничное уважение.

Меня тревожит одна мысль: только бы не забыть и рассказать обо всем, что происходило в ее жизни, – выставки, исследования, встречи с художниками и коллекционерами, публикации... Память сердца спорит с памятью рассудка, прошлое пленяет: перед глазами, как в калейдоскопе, мелькают картинки – вот она на очередном вернисаже открывает выставку, а вот мы с ней, уставшей, но такой близкой и родной, на нашей маленькой кухоньке вечером после работы сидим вдвоем и обсуждаем ее прошедший день. Вот она счастливая, с искрящимися глазами после очередного удачно проведенного вернисажа или поездки...

К сожалению, она ушла так внезапно, что не оставила своих воспоминаний – ничего не записала на диктофон, ничего не напечатала, хотя мы многократно говорили об этом. Иногда мне кажется, что она просто уехала в очередную командировку со своим любимым авангардом – повезла его на выставку и скоро вернется, с трудом притащив на себе опять чемодан книг и буклетов, и будет долго и подробно рассказывать, как все было.

---

¹ В публицистике и воспоминаниях друзей и коллег встречаются разные варианты написания имени Аннэты Яковлевны. Здесь и далее в книге приводится написание по паспорту во всех случаях, кроме цитат и названий изданий. *Прим. ред.*

Семья Хейфец. Верхний ряд: Соня и Гриша; нижний ряд слева направо: Алиса, Лев Филиппович, Леночка, Берта, Павочка, Анна Григорьевна. Самара, 1907. Фото: А. Васильев
Архив семьи Басс

1

Страницы семейной истории: о предках, детстве, войне и школе

В 2005 году в Самарском художественном музее к 75-летию Аннэты Яковлевны Басс была сделана выставка «Семейные реликвии А. Я. Басс». Аннэта Яковлевна лично сопровождала практически всех гостей, с гордостью знакомила с экспозицией, показывала фотографии, документы, сохранившиеся бытовые вещи и рассказывала семейные истории. Пришло время поделиться этой семейной памятью и на страницах книги.

Аннэта Басс родилась 16 апреля 1930 года в Самаре в семье служащих, как было принято говорить в советское время. Ее назвали в честь бабушки – Анны Григорьевны Хейфец. С детства ее звали Нэта, а ее мама говорила, что она «Нэта, а не та». Все часто путались и не могли понять, сколько «н» и «т» в ее имени, через «е» или «э» его писать, поэтому в текстах воспоминаний, в публицистике, даже в документах встречаются разные варианты.

Но не только именем Аннэты была похожа на бабушку. Генетическая память – вещь особенная, многое в нас определяет непостижимая сила родственных уз, отражение черт и свойств характеров тех, кто был нашим предком. Волевые качества, хозяйственная жилка, умение принимать судьбоносные решения достались Аннэте от бабушки Анны Григорьевны.

Аннэта не застала бабушку, та умерла в 1926 году, но хорошо знала многие связанные с ней и перипетиями ее судьбы семейные истории. Муж Анны Григорьевны Лев Филиппович Хейфец был купцом 1-й гильдии, они поженились в Орше в 1891 году. Через десять лет они всей семьей – у них уже было четверо детей – переехали в Самару, где родились двое младших: сын Павел и дочь Елена, будущая мама Аннэты. В 1913 году Лев Филиппович скончался от аппендицита: у него было слабое сердце и операции он боялся. Анна Григорьевна осталась вдовой с шестью детьми на руках. Тяжелейшие годы в ее жизни совпали с эпохальными событиями в стране, выстоять и пережить это время стоило невероятного труда. Но она не растерялась: на тихой самарской улочке в небольшой усадьбе открыла постоянный двор для рыночных торговцев. Так она сумела обеспечить семью и продуктами, и деньгами.

Незадолго до февральских событий 1917-го Анна Григорьевна потеряла младшего сына: Павел, Павочка, как его называли в семье, тоже умер от аппендицита. И Анна Григорьевна приняла решение ехать в Москву, в Боткинскую больницу, где всех прооперировали – заранее удалили аппендикс, после чего они вернулись в Самару.

В 1918 году в городе разворачивалась борьба за власть: Самару занял Чехословацкий корпус, выступавший на стороне белых, через несколько месяцев в город вернулись красные – все это сопровождалось боями, смертями, грабежом. Анна Григорьевна в доме, где кроме нее четыре дочери 15–20 лет, сумела совладать с ворвавшимися к ним красноармейцами, желающими «пожизниться» у буржуазии. Она пригласила их на кухню, накормила щами, и разомлевшие экспроприаторы ушли, не тронув ничего и никого. Потом уже представители местной власти делали попытки изъять у семьи пианино, которое было фактически их кормильцем: девочки давали уроки музыки. Тогда решительная Анна Григорьевна поехала в Москву, к Ленину. Владимир Ильич был чрезвычайно занят, и ее принял Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, ближайший помощник и практически секретарь Ленина. Внимательно ее выслушав, он распорядился выдать документ, согласно которому утверждалось, что пианино – не буржуазная роскошь, а средство для существования. С этим документом бывшая купчиха вернулась в Самару. Но следом наступил страшный голод. Младшую Елену Анна Григорьевна сумела отправить в Ташкент, чтобы та выжила там, а сама осталась в Самаре, на хозяйстве.

Вот такой была бабушка Аннэты – деятельной, настойчивой, всегда находившей выход, кажется, из безвыходной ситуации. И непреклонной. Анна Григорьевна была категорически против избранника своей дочери Елены – Якова Вениаминовича, считала его неровней. Когда он приходил, она выходила на балкон и произносила известную в семье фразу: «Леночки вам тут нет и не будет!» Елена и Яков смогли пожениться только после смерти Анны Григорьевны, но свою дочь они называли тем не менее в память несговорчивой бабушки.

Яков Вениаминович Басс был инженером, всю жизнь проработал в государственном сплавно-м тресте «Волголесосплав», был в последние годы начальником отдела. Он родился в Самаре в 1902 году, в 1909-м пошел в приходскую школу, а окончил уже Самарскую 1-ю единую трудовую школу в 1921 году. Учился в Самарском промышленно-экономическом институте на подготовительном отделении, а после – в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства, окончив лесной факультет в 1926 году. Он был вторым в семье Басс, получившим высшее образование. Яков часто ездил в командировки по акватории Волги, проверял сбор аварийной древесины, осматривал плоты на реках Каме и Волге, на Куйбышевском и Волгоградском водохранилищах.

Яков Вениаминович Басс. 1926

Архив семьи Басс

О корнях Якова Вениаминовича известно не так уж и много. Мы знаем, что его отец отслужил в царской армии 25 лет, после чего вышел в отставку и женился. Совсем недавно мы обнаружили, что Вениамин Басс, отставной унтер-офицер, был награжден за участие в Русско-турецкой войне и получил привилегии жить вне черты оседлости. И во второй половине

1870-х годов он был в числе евреев, поселившихся в Самаре. Здесь он женился на девице из семьи Одельских, которые к тому времени уже жили в Самаре не один год, а ее представители хорошо были известны еще и в Челябинске. Все одиннадцать детей молодой семьи Басс родились в Самаре, но выжили только семеро. По-разному сложилась их судьба, в Самаре остался один Янька, как его дома называли старшие. В 1920–1930-е годы, после НЭПа, все они уехали из Самары в столичные города. Родоначальник семейства Вениамин Басс занимался сапожным делом, в 1925 году в адрес-календаре «Вся Самара» упоминается артель «Басс и Чувашьянц», выпускавшая обувь. Работал он со старшим сыном Александром, тот ездил по ярмаркам, покупал и продавал.

Разбросанные по разным городам – Ленинграду, Москве и Подмосковию, все они поддерживали тесную связь друг с другом, часто посещали Яшу с Леночкой и Аннэтой в Самаре. В. К. Нейман, племянник Якова Басса, вспоминал:

Встреча в Куйбышеве не носила ныне бытующие традиции – бутылка, застолье, блестящие глаза, разговоры, в которых нет слушателей, а есть только говорящие. В семье Бассов вообще водка и выпивка не почитались. Чай, сладости, разговоры вполголоса, чтобы, не дай бог, не услышали о прошлом торговом семье и особенно про судьбу сестры и мужа ее – боялись и обоснованно².

В семье Басс высокими были только старшие братья – Исай и Лазарь, а все остальные были небольшого роста. Яков Вениаминович очень любил жену и дочь, гордился успехами Аннэты. Домашним хозяйством он практически не занимался, предоставляя жене эту часть семейной жизни, но в памяти сохранилась одна его страсть, связанная с домашним бытом. Он разводил чайный гриб, трепетно за ним ухаживал и никому не давал к нему притрагиваться. Когда Аннэта училась и жила в Ленинграде, то отец спрашивал в письмах, кроме прочего, и о чайном грибе, и Аннэта отвечала: «Гриб у нас тоже есть в комнате, даже целых три! У меня есть свой в пол-литровой банке. Мне он нравится»³.

---

² Нейман В. К. Восставший из пепла. Воспоминания. Самара: [Б. и.], 2003. С. 61.

³ Письмо родителям от 3 февраля 1953 г. // Архив семьи Басс.

Елена Львовна Хейфец. 1921
Архив семьи Басс

Мама Аннэты, Елена Львовна, выросла в купеческой семье, была выпускницей самарской гимназии. С детства увлекалась музыкой, была очень общительным и добросердечным человеком. Она окончила музыкальный техникум, до середины 1920-х годов работала в нем секретарем. Была членом губотдела Всерабиса (Всесоюзный профессиональный союз работников искусства), в 1932–1933 годах удостоена звания «Ударник социалистического труда» в Музкрайтехникуме (ныне это Самарское музыкальное училище имени Д. Г. Шаталова). Впоследствии работала в библиотеке Куйбышевской филармонии.

О радушии и гостеприимстве Елены Львовны наглядно рассказывает такая история: однажды она привела домой известного пианиста Николая Петрова, потому что «Коленьке было негде репетировать перед концертом», а у нее дома было прекрасное немецкое пианино Rönish (то самое, спасенное благодаря Бонч-Бруевичу). Также многим помнятся ее легендарные пироги с капустой, беляши и прочие лакомства. Встречая гостей, она непреложно соблюдала правило: сначала накормить, а уже потом «умные» разговоры об искусстве или музыке.

Елена Львовна с подругой и Нэточка в филармонии. Самара, март 1936
Архив семьи Басс

Племянница Елены Львовны, названная в честь нее Леночкой, Е. Берзак посвятила ей такие строки:

Великий музыки знаток,
Словесности изящной...
Великий маг борщей, котлет
И пирогов хрустящих.

Удивительное и ценное свойство человека – быть на своем месте и дома, и на работе. По воспоминаниям Евы Марковны Цветовой⁴, зимой 1943 года Елена Львовна лично ездила за нотами на попутном транспорте домой к одному из музыкантов в Зубчаниновку (небольшая железнодорожная станция за пределами Куйбышева), потому что без нот мог сорваться концерт. Она всегда болела за общее дело.

Работая в библиотеке филармонии, Елена Львовна была в эпицентре музыкальной и театральной жизни Самары. К ней часто прибегала маленькая Нэточка смотреть концерты и спектакли: здание филармонии располагалось недалеко от их дома, буквально в четырех кварталах. Самара в плане музыкальной культуры не уступала столице. Здесь давали концерты выдающиеся музыканты: Л. Н. Оборин, Э. Г. Гилельс, С. Т. Рихтер, Д. Ф. Шафран, Б. М. Давидович, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, М. Л. Ростропович, Н. С. Штаркман, Д. Ф. Ойстрах и др. Елену Львовну хорошо знал знаменитый оперный певец Иван Семенович Козловский, она была знакома с композитором Дмитрием Шостаковичем, певицей Тамарой Синявской, дружила со многими самарскими музыкантами и была в курсе массы подробностей из их жизни.

В маленькой комнатке библиотеки, окна которой выходили на оживленную улицу Фрунзе, а стены представляли собой сплошной «ковер» из концертных афиш, всегда толпились люди. Как распространитель, продавая билеты в филармонию, Елена Львовна вдохновенно рассказывала о предстоящем концерте, солистах и программе. Именно она создала одну из лучших музыкальных филармонических библиотек в России.

В общении она не ограничивалась только музыкально-театральным кругом – многие друзья Аннэты стали и ее близкими друзьями. Елена Львовна всегда интересовалась человеком, его жизнью, помнила множество имен и никогда никого не путала. Что удивительно: друзья Аннэты писали ей отдельные письма, хотя могли бы просто передавать приветы через дочь. Это говорит о том, что она была внимательным и интересным собеседником, становилась для многих близким человеком. Аннэта унаследовала эту черту характера, она тоже умела располагать людей к общению, и если дружить – то на всю жизнь.

Елена Львовна обожала Волгу, ее любимым отдыхом были поездки на пароходах вверх до Нижнего Новгорода или вниз до Астрахани. Она так путешествовала каждое лето с подругами, иногда с Аннэтой и племянницами. Из поездок привозили продукты, потому что в Самаре было плохо с продовольствием. Из Астрахани, например, везли арбузы, а из Волгограда – антоновские яблоки. По пути Елена Львовна посылала телеграммы, сообщая о приезде: «Еду социализмом встречай мешками». Это сейчас не всем понятен краткий язык телеграмм с опущенными предложениями и знаками препинания, а тогда Яков Вениаминович все понимал: жена едет на пароходе под названием «Социализм», просит встречать с мешками. И они с Нэточкой бежали встречать маму на пристань, а потом весело тащили вверх по крутой горе улицы Заводской арбузы и яблоки.

---

⁴ Здесь и далее знаком [◊] отмечены деятели, информацию о которых вы можете найти в приложении «Персоналии». *Прим. ред.*

Елена Львовна Хейфец (первая слева) на пароходе «Социализм». 1930-е
Архив семьи Басс

Семья Басс – Хейфец жила на улице Фрунзе недалеко от площади Революции. На втором этаже небольшого самарского домика располагалась последняя предреволюционная квартира купеческого семейства Хейфец. В годы советской власти квартиру «уплотнили» – и она стала коммунальной. Комнаты у всех были крохотные, заставленные мебелью, а в коридоре стоял огромный дубовый буфет. На улицу вела деревянная лестница, а вторая, довольно крутая, так называемая черная, выходила во двор. Во дворе были двухэтажные деревянные сараи с глубокими погребами, куда по весне закладывали лед – его привозили на подводах и спускали огромные глыбы вниз, и он не таял почти до глубокой осени. В таком холодильнике-погребе хранили продукты, и приходилось «бегать» туда перед каждым обедом или ужином и после них.

С соседями жили дружно, обсуждали общие дела, присматривали за детьми, угощали пирогами. Семья сестры Елены Львовны жила в том же доме; Нэлли – двоюродная сестра Аннэты – была верным другом в детских играх, девочки много времени проводили вместе. Другом Аннэты был и соседский мальчик Миша Куликов, ровесник и постоянный участник многих детских забав. Родственные и добрососедские отношения позволяли справляться со многими трудностями, ведь случались и по-настоящему опасные происшествия.

Нэточка. Самара, 1932
Архив семьи Басс

Помнится страшный эпизод из середины 1930-х годов, довольно характерный для Самары тех лет. Нэточка была еще маленькая, три с половиной или четыре года, родители работали, а она осталась дома с няней. В дверь громко постучали, и вошла цыганка с запеленутым младенцем, попросила воды. Только няня повернулась идти на кухню, как в ту же секунду цыганка бросила «дите» на пол: оно оказалось поленом, а женщина – переодетым мужчиной. В квартиру вбежали еще человек десять. Цыгане связали няню, а маленькая Нэта спряталась в комнате около огромного шкафа. Но, переборов свой страх, она сумела перебежать к соседям. Те быстро поняли лепет ребенка и, открыв окна, позвали на помощь с улицы. Приехала милиция, бандитов схватили и посадили в грузовик. А маленькая Нэта потом наблюдала из окна второго этажа, как ехал грузовик, а из него на ходу выпрыгивали цыгане.

Яркое впечатление в памяти Нэты оставили и верблюды на Троицком рынке, тоже воспоминание из 1930-х. Елена Львовна любила ходить на рынок, мастерски торговалась с продавцами – был такой род общения – и брала с собой маленькую Аннэту. На рынке, среди прилав-

ков и повозок, можно было увидеть огромных спокойных животных, к которым страшновато было приблизиться. Но погонщики, стоявшие рядом, разрешали детям подойти и потрогать верблюдов.

Двоюродная сестра Нэлли, мама Елена Львовна, Нэточка. Самара, 1934
Архив семьи Басс

Недалеко от дома была улица Венцека – она спускалась к Волге и пристаням. Зимой по ней катались на санках, вылетая на скорости на волжский лед. Очень много воспоминаний было связано с Волгой. «Мне год или два, лето, – вспоминала Аннэта, – папа держит меня на руках, мы плывем на белом теплоходике – вероятно, это был обыкновенный катер – по Волге». Или более позднее воспоминание: «Я, закутанная в тулуп, еду с родителями через Волгу на санях-розвальнях в лесничество к папиному другу встречать Новый год. Впереди бежит лошадь, а вокруг лежит снег и опять много солнца». Уже после войны Аннэта, приезжая на каникулы из Ленинграда, с друзьями плавала на лодках на другой берег, где они загорали и купались. Однажды кто-то из друзей решился переплыть Волгу, но товарищи непустили его одного и плыли рядом на лодке, подстраховывали.

В довоенное, еще детсадовское время Нэта, как и большинство ее сверстников, проводила много времени на улице, исследуя с ребятами дворовое пространство жилых кварталов. Внутри домовладений были небольшие постройки и зеленые садики – все это можно было облазить и приспособить для самых разных игр ребячьей компании. В сараях были свалены вещи старой буржуазной жизни, а в земле прятались осколки битой посуды. Нэта с подружкой детства Лялей Леонтьевой выкапывали черепки, самыми ценными признавались фрагменты с рисунком – розочками или листочками. Видимо, так и начинал зарождаться ее интерес к изучению прошлого.

Нэточка. Самара, 1936
Архив семьи Басс

Впоследствии Аннэта Яковлевна вспоминала:

Я с детства интересовалась старой Самарой. Мама рассказывала о том, как они жили до революции и каким был наш город. Если мы с ней гуляли по улицам, мама выступала в качестве экскурсовода – говорила, кто в каком доме жил, что в том или ином месте раньше находилось. Все рассказы мамы со временем «ожили» для меня, когда я познакомилась с родственниками известных самарцев⁵.

Все это – и рассказы матери, и собственные детские переживания – навсегда осталось в памяти и сформировало ее личность.

---

⁵ Цит. по: В Самаре открылась выставка «Семейные реликвии Аннэты Басс» // Samaratoday. 2005. 29 ноября. URL: <https://news.samaratoday.ru/news/72819/> (дата обращения: 02.09.2025).

Детский сад. Нэточка во втором ряду вторая слева, рядом ее сосед Миша Куликов (оба в матросках). Самара, август 1937

Архив семьи Басс

Елена Львовна записала дочь в еврейскую школу, но, когда Аннэте пришло время туда идти, ее закрыли, поэтому с 1937 по 1941 год она училась в школе № 8, а затем с 1941 по 1948 год – в школе № 15. Учились отдельно – девочки и мальчики. Воспоминания о школьных годах были разными, впоследствии Аннэта больше рассказывала о старших классах, которые пришлось на послевоенное время.

Как и всех детей разных поколений в нашей семье, Нэточку учили музыке. У нее был прекрасный педагог Анна Абрамовна Шац, с которой дружила Елена Львовна, знакомая со многими преподавателями. Музыкальная школа № 2 была недалеко от дома, а позже ее перевели на Садовую улицу, что было значительно дальше тех мест, куда Нэточка бегала сама. Туда уже надо было ехать на трамвае – настоящее развлечение для ребенка. Любовь к музыке сохранилась в Аннэте на всю жизнь, но, к сожалению, после музыкальной школы за инструмент она уже не садилась, все силы и внимание сосредоточив на профессиональных интересах.

Бытовые условия и до войны были трудными: семья занимала маленькую комнатку в квартире, которую еще до революции сняла, овдовев, Анна Григорьевна. Но теперь в квартире жили не только две дочери Анны Григорьевны со своими семьями, но и подселенцы. Комнатка семьи Басс была крохотной. Помню, побывала в ней в 1970-е и не могла представить, как там можно было организовать три спальных места. Однако они помещались: Нэта спала на раскладушке, которую ставили под пианино, ее отец – на кофре, с которым родители Елены Львовны еще до революции ездили в Баден-Баден, а мать – на железной кровати.

С началом войны стало еще труднее, хотя о военном времени Аннэта рассказывала очень мало. Например, как она, жизни не представлявшая без книги, читала, спрятавшись со свечой под одеялом, потому что свет не должен быть виден из окон. Именно тогда у нее и испортилось зрение.

Из Москвы в эвакуацию приехали родственники – двоюродные сестра и брат, старший брат Якова Вениаминовича со своей семьей. Неподалеку поселилась тетка – младшая сестра бабушки – Эсфирь Григорьевна Шофман. Нэта с подружкой возила ей на саночках еду по заснеженным улицам. Темно, на улицах фонари не горели, соблюдался режим военного времени, тропинки были узкими, сугробы высокими, и надо было следить, чтобы бидончик с супом не перевернулся. Получив еду, тетка ругалась: «не столь изысканный стол» и почему так мало принесли. Собиралась жаловаться во французское посольство (ее покойный муж был французом). В то время было очень страшно иметь такие связи, но и не поддерживать тетю Фиру было нельзя. Поэтому в очередной раз приходилось везти ей на саночках еду и выслушивать ее жалобы.

У отца Аннэты Якова Вениаминовича была открытая форма туберкулеза – видимо, сказались голодные 1920-е годы, – поэтому он не был мобилизован. Всю войну они так и жили в одной комнате с больным отцом, но ни Аннэта, ни ее мама не заболели. И хотя Яков Вениаминович не ушел на фронт, как партийный человек он выполнял свое партзадание: следил за делами в подсобном хозяйстве, которое располагалось на другом берегу Волги. Там выращивали свиней. Не помню точно, какой это был год: 1942-й или 1943-й. После работы он на лодке переплывал на «ту сторону» (как это всегда называлось в Самаре). И вот однажды он приехал очень обеспокоенный – свиньи заболели. Сам он сделать ничего не мог, но, как очень ответственный человек, привез туда ветеринара. Страшно было то, что, если бы свиньи умерли от болезни, его могли объявить виновным в порче имущества и отдать под трибунал. Почти две недели Яков Вениаминович, уставший, после работы отправлялся каждый день за Волгу. В один из дней он приехал и сказал фразу, ставшую в семье знаменитой: «Свиньи начали есть». Как объяснил ему ветеринар: раз едят, значит, выздоравливают. С тех пор эта фраза поселилась в нашей семье и ее цитировали, когда кто-то начинал выздоравливать.

Школа на время войны не прекращала работать, хотя часть школьных зданий забрали под госпитали, а оставшиеся уплотнили. Дети учились в перегруженных классах в три смены. Первая начиналась в восемь утра, вторая – в два часа дня, а третья длилась с шести до одиннадцати вечера. Но, несмотря на все это, Аннэта училась очень прилежно. В семейном архиве сохранились похвальные грамоты за 1943 и 1945 годы за отличные успехи и примерное поведение. Ей все было интересно, но в особенности гуманитарные науки, история и литература.

Еще до войны Аннэта начала заниматься литературным творчеством в Куйбышевском Дворце пионеров и школьников: сначала в кружке художественного слова Оскара Осиповича Маркова, а чуть позже в литературном кружке Василия Павловича Финкельштейна. Там у нее появилось много друзей, с которыми она поддерживала связь всю свою жизнь. Это Е. М. Кнохинов, Е. М. Фрумова, В. П. Скобелев и многие другие.

В красном уголке в школе. Аннэта вторая справа. Самара, май 1941
Архив семьи Басс

В 1943 году Дворец пионеров возобновил работу (в начале войны в нем размещалось эвакуированное из Москвы посольство Королевства Великобритания и Северной Ирландии),

и на торжественном открытии юный филолог Нэта Басс зачитала благодарственное письмо «дорогому товарищу Сталину» за этот драгоценный подарок для детей.

Аннэта Басс, Ефим Кнохинов, Лиза Фрумова. Куйбышев, 1947
Архив семьи Басс

Похвальная грамота за 5-й класс. 1943
Архив семьи Басс

Аннэта всегда очень тепло рассказывала о кружке во Дворце пионеров, вспоминала, как они с ребятами из кружка устраивали концерты в госпиталях для раненых. Однажды Нэточка – совсем не худенькая, несмотря на все тяготы войны, девочка в очках, с тяжелыми длинными косами – читала стихотворение про фрица. Об этом вспоминает и ее подруга Наталья Давыдовна Кочубеевская:

Ты, наверное, в 4-м или в 5-м классе, на сцене, почему-то мне кажется, даже на стуле; помню отлично поленьки ножки в чулочках «в резиночку» и ты читаешь стихи о том, что дети дразнят тебя, называя «тумба, бомба, бегемот», но скоро ты себя покажешь – вот прыгнешь на фашистов и всех их раздавишь! Читаешь с таким задором и азартом...

Номер имел огромный успех!

Вспоминая то время, Аннэта рассказывала о талантливом кружковце Захаре Городисском, который, как и она, был выпускником 15-й школы, и читала ставшее пророческим стихотворение Захара, написанное за несколько дней до его гибели:

Если мне смерть повстречается близко
И уложит с собою спать,
Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
В боях не привык отступать.
Что он, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
Вошли в завоеванный счет.

Потрясает сила людей того времени продолжать жить и работать вопреки всем выпавшим на их долю испытаниям. Семья Басс – Хейфец посещала культурные мероприятия: оперу, балет, концерты в филармонии. В Куйбышеве почти два года в эвакуации находилась труппа Большого театра. Они давали концерты и спектакли в помещении Дворца культуры, который располагался на площади Куйбышева, там же, где с весны 1939 года размещались залы художественного музея, впрочем не работавшие в тот период.

Друг Аннэты, Юрий Константинович Фавстов⁶, мама которого работала в музучилище вместе с Еленой Львовной, вспоминал:

Когда в 1941 году в Куйбышев приехал Большой театр в эвакуацию, естественно, они привезли с собой костюмы, часть декораций и большой бархатный занавес, шитый золотом. Занавес, что украшал нашу сцену, естественно, сняли и на склад положили. И вот через некоторое время его сперла местная шпана. Даже в газете написали, что было ограбление театральной костюмерной, что украдены сценические платья и занавес. Просьба тем, кто что-то знает, обратиться в милицию. Но поиски ничего не дали. Жуликов так и не нашли⁶.

Он же рассказывал, что их мамы, как члены профсоюза Рабиса, имели право бесплатно ходить на концерты, выставки и в музеи. И этим постоянно пользовались дети. В репертуаре Большого театра к 1943 году было уже девять оперных и пять балетных спектаклей, которые Юра с Нэтой пересмотрели все.

Аннэта Басс и Майя Ионина (школьная подруга) около памятника В. И. Ленину на площади Революции. Куйбышев, начало 1950-х
Архив семьи Басс

⁶ «Ее можно было под Сталина подложить»: профессор Юрий Фавстов о жизни в запасной столице // Другой город. 2016. 11 ноября. URL: <https://drugoigorod.ru/favstov-view/?ysclid=Iz4nepb9nb489717123> (дата обращения: 02.09.2025).

В одном из писем университетского периода родителям Нэта вспоминала:

В четверг, т[о] е[сть] сегодня, были на Шварце (А. И. Шварц, чтец-декламатор. – *Н. Б.*). Он читал Симонова, Блока, сонеты Шекспира, Бёрнса, Гоголя и Андерсена. Читал прекрасно, но голос стал уже старческий, и сам он весь поседел. Я все вспоминаю, как в 1944 году мы бегали на его концерты. Тогда он читал в ободранном зале филармонии, в холоде, а все зрители сидели в пальто⁷.

В 1945 году Аннэта вступила во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), ее выбрали членом учкома школы № 15, а затем и председателем (1946–1947)⁸. Но ее мысли занимала не комсомольская работа, а театр.

---

⁷ Письмо родителям от 5 февраля 1949 г. // Архив семьи Басс.

⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-1к. Оп. 5. Д. 25.

Выпускница школы № 15. Куйбышев, 1948
Архив семьи Басс

Конечно, в этом чувствуется сильное влияние мамы – Елены Львовны, ее любовь к музыке, тесные связи с театральными и филармоническими артистами, сама атмосфера театра. О желании поступать в театральный вуз свидетельствовала даже кличка домашней кошки, обычной серо-полосатой, – Гитисила (от ГИТИС, то есть Государственный институт театрального искусства). Но Яков Вениаминович был категорически против, даже слышать ничего об этом не хотел. Тогда Аннэта решила быть археологом (помните ее детские раскопки в самарских двориках?). Однако поступить в Московский государственный университет (МГУ) на исторический факультет было не суждено. Потом в интервью Аннэта рассказывала, что опоз-

дала на собеседование, но, думаю, она просто не хотела затрагивать «еврейскую тему». Это был 1948 год. Она окончила школу с серебряной медалью, училась легко, и оценки в основном были отличные, но давать еврейке золотую медаль тогда было не положено. Та же «пятая графа», вероятно, сыграла роль и при поступлении в МГУ. Но, учитывая, как сложилась дальнейшая судьба Аннэты Яковлевны, можно сказать, что все было к лучшему.

В одну из поездок в Москву, где жила тетка Алиса – родная сестра Елены Львовны, которая впоследствии сыграла большую роль в атрибуции произведений из коллекции музея, – Аннэта впервые попала в Государственного Третьяковскую галерею (ГТГ). «Впечатления были потрясающими, – говорила она. – Я поняла, что хочу посвятить себя искусству. Это посещение и определило выбор профессии. После школы я решила поступать на искусствоведа»⁹.

Аннэта подала документы в МГУ на истфак. Но – не прошла. Вернувшись в Самару, расстроенная, разговаривала со своей теткой, маминой сестрой, с которой они жили в одной коммунальной квартире. Та сказала ей: «Бери чемодан, вот тебе деньги, уезжай в Ленинград, может быть, поступишь на искусствovedческий». И она поехала.

В тот год в Ленинградском государственном университете (ЛГУ) на историческом факультете был впервые открыт курс искусствоведов. Так история и искусство – обе мечты Аннэты – сливались воедино, определяя ее жизненный путь и открывая новую главу в ее судьбе.

---

⁹ Цит. по: В Самаре открылась выставка «Семейные реликвии Аннэты Басс».

2

Ленинградский университет: учеба, дружба, время

Учеба в Ленинграде окончательно сформировала интересы Аннэты Яковлевны в области искусства. Она много занималась античностью, ездила на раскопки в Керчь, писала работу по Боспорскому царству, но уже тогда понимала, что ее дальнейшая деятельность будет связана с изучением искусства гораздо более поздних эпох.

Студенческая жизнь была насыщенной. Лекции начинались рано, приходилось отправляться затемно – транспорт еще не начинал ходить – и бежать по неосвещенным улицам послевоенного Ленинграда на Васильевский остров. После занятий Аннэта шла в библиотеку Академии художеств или Публичку¹⁰, где читала и конспектировала часто до самого закрытия. Жила довольно далеко от университета: сначала это были съемные комнаты в районе Владимирского и Загородного проспектов, потом, на старших курсах, – общежитие на Охте. Вспоминала бытовые подробности, характерные для сырого питерского климата: постиранные с вечера чулки не успевали высохнуть, и приходилось утром натягивать еще влажные.

«С тетей Дусей живу очень хорошо», – писала Аннэта в Куйбышев о своей квартирной хозяйке, у которой снимала «угол в комнате». Тетя Дуся, не имея своих детей, ухаживала за Аннэтой, провожая ее каждое утро в университет словами «С боженькой», а если вечерами Аннэта засиживалась за учебниками до ночи, говорила запомнившуюся фразу: «Ум долог, волос короток». Она считала, что девушке с длинными красивыми русыми косами, какие были у мамы, совершенно не обязательно так усердно учиться.

Родителям мама писала почти каждую неделю. Эти листочки бумаги, исчерченные мелким «бисерным» почерком, рассказывают обо всем: что давали в театре, на какую выставку она бегала, сколько денег на что было потрачено, чем кормили у дяди с тетей, как живут друзья и родственники Елены Львовны, которых она тоже успевала навестить.

Теперь о вчерашнем концерте. Выступали ученики Вагановой: Уланова, Шелест, Вечеслова, Балабина, Кириллова, Израилева, Моисеева, Ястребова, Гербек, Брегвадзе. Вам большинство из этих имен, очевидно, ничего не говорит, а это лучшие артисты балета Ленинграда. Уланова выступала совершенно неожиданно, о ее участии мы узнали, только когда объявили. Исполняла она «Умиравший лебедь» Сен-Санса. Я ведь видела ее вчера впервые! Хожу сегодня под впечатлением...¹¹

Когда я просматриваю мамины письма той поры, меня не покидает мысль: как мама умела видеть красивое, замечать детали, делиться своим впечатлением. Даже если это письма, казалось бы, бытового характера. Например, она пишет о том, как одеваются и что заказывают у портних, из какого материала лучше шить и что сейчас модно:

Теперь в журналах за 53 г. узкие юбки не делают, поэтому шью чуть расклешенную с двумя бантовыми (1 и 2) складками. Наверху – накладная кокетка (только спереди) с воротником, который кроится из одного куска с ней. Кокетка пристегивается маленькими пуговками; а впереди застежка с тремя большими. Сзади гладко. Рукав узкий¹².

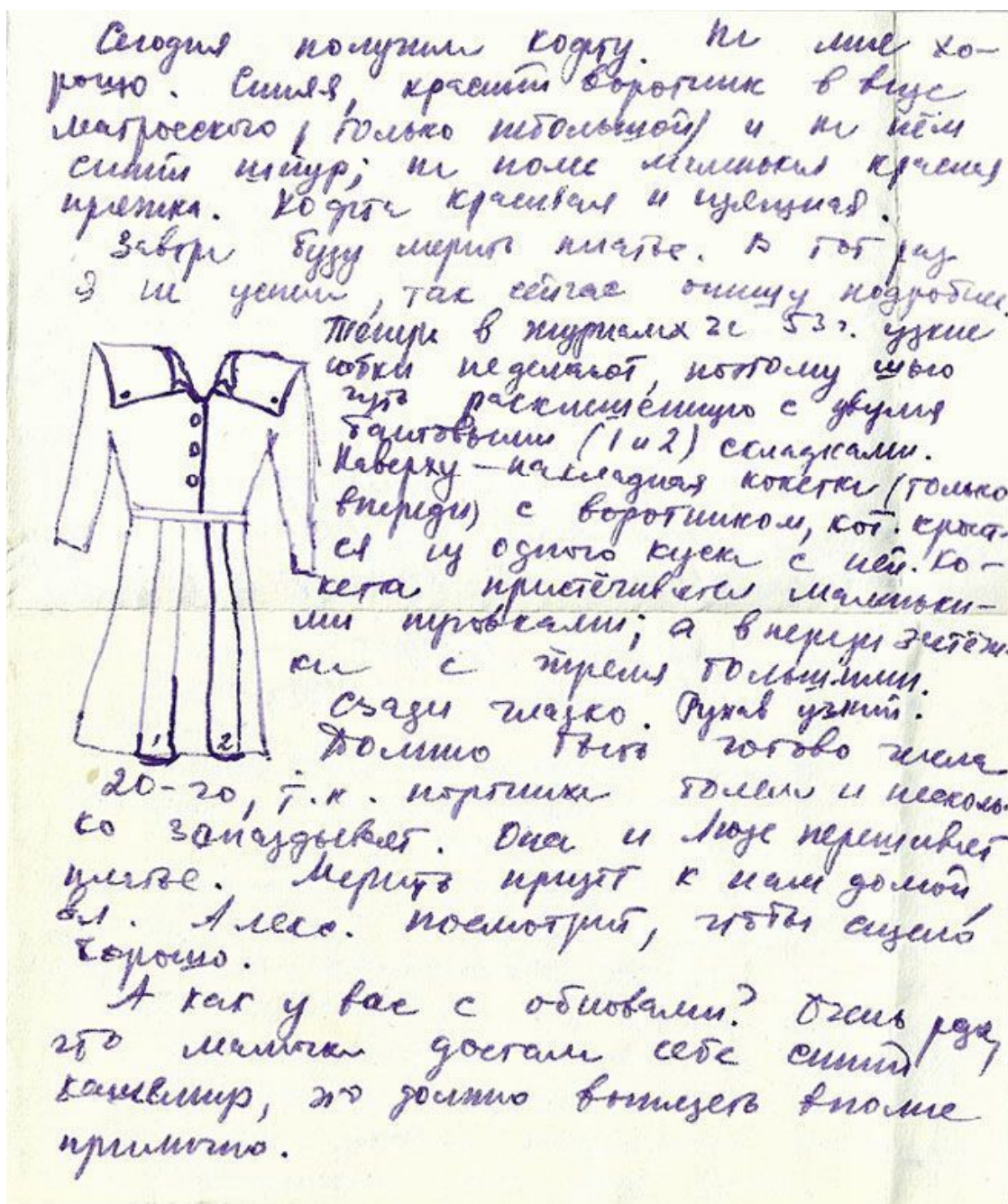
Или:

¹⁰ Государственная публичная библиотека (сейчас – Российская национальная библиотека).

¹¹ Письмо родителям от 19 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

¹² Письмо родителям от 14 января 1952 г. // Архив семьи Басс.

Мамочка! Пуговиц деревянных для обтяжки с ободком нигде нет, змейки опять исчезли из продажи. Завтра поищу еще в нашем районе... как только появятся в продаже, куплю и с кем-нибудь пришлю... Мамочка! Пришли образчики материалов тебе на платье и фасона. Меня это интересует¹³.

Письмо Аннэты родителям из Ленинграда. 14 января 1952

Архив семьи Басс

Но, конечно, основное внимание занимала учеба, к которой Аннэта относилась крайне серьезно: поступить в Ленинградский университет значило для нее выиграть счастливый билет и иметь возможность учиться у лучших преподавателей. В интервью журналистам в 1990-х она рассказывала:

¹³ Письмо родителям от 3 февраля 1953 г. // Архив семьи Басс.

Мне повезло – я училась у прекрасных педагогов старой школы. Так, искусство Средних веков у нас преподавал некто граф Доброклонский¹⁴. Это был человек из совершенно другого мира. Экзамены мы сдавали ему не в банальной студенческой аудитории, а у него дома в его старинном петербургском кабинете. Таких уникальных людей, великолепных педагогов, настоящих ученых у нас было очень много. Например, мы были одними из первых студентов Моисея Самойловича Кагана¹⁵. Все были в восторге от того, как он читал свой курс эстетики и советского искусства. Не могу не вспомнить своего педагога по античности Анну Павловну Иванову¹⁶. Она была необычайно скромным человеком и большим знатоком своего предмета. Это были люди, у которых я не только получала знания, но и училась работать.

О Моисее Кагане, выдающемся философе и культурологе, Аннэта часто рассказывала в письмах студенческой поры – такими запоминающимися были лекции молодого преподавателя. Аннэта так писала о его курсе: «Из всех курсов по искусству этот мне нравится больше всего»¹⁴. И в другом письме:

По пятницам с 3 до 5 слушаю спецкурсы для 3-го курса «Эстетика социалистического реализма». Читает Каган, единственный приличный преподаватель на нашем отделении теперь. Он только в прошлом году окончил аспирантуру по марксистской эстетике и уже сейчас сводит всех с ума своими лекциями. Когда он читает, сесть негде, так много приходит народу – не только искусствоведов, но даже и с других факультетов¹⁵.

Проводил Моисей Самойлович и практические занятия, например такие:

Сегодня с Каганом ходили к художнику-пейзажисту Джакову¹⁶. Пробыли там часа три, очень интересно было. Мы по недатированным его работам определяли, что когда написано и что характерно для его творчества в разные периоды. Смотрели его еще не законченные вещи, советовали, как лучше сделать и т. д. <...> 7-го поедем с семинаром эстетиков и с Каганом на Карельский перешеек¹⁶.

Долгие годы потом Аннэта Яковлевна переписывалась с М. С. Каганом и встречалась с ним во время поездок в Ленинград.

---

¹⁴ Письмо родителям от 14 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

¹⁵ Письмо родителям от 19 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

¹⁶ Письмо родителям от 4 июня 1953 г. // Архив семьи Басс.

«Единоборство со львом». Родителям от веселящейся дочки. Ленинград, 1 января 1951
Архив семьи Басс

Разнообразие форм занятий в университете можно было только позавидовать. Аннэта рассказывала, что самыми интересными и трудными для нее были коллоквиумы. Занятия проводились не только на базе университета, но и в залах музеев. Все они были направлены на выработку критического мышления, навыки анализа произведений. Вот, например, Аннэта описывает, как весной 1949 года ходили в театр на пьесу «Аттестат зрелости»¹⁷:

Мы ходили на нее всем факультетом... Прекрасная вещь, о десятиклассниках; и играют молодые актеры: главный герой 19 лет, и все остальные не старше 22. Сидела в театре и все вспоминала Куйбышев, нашу школу, учителей и как будто снова побывала с нашими девочками в гостях у Ольги Ефимовны (классная руководительница в школе № 15, где училась А. Я. Басс. – Н. Б.). Вот в понедельник к нам пришли актеры и режиссер, чтобы совместно с нами провести обсуждение пьесы. Прошло все очень интересно и живо...¹⁸

В программе искусствоведов было предусмотрено изучение двух иностранных языков: английского и немецкого; факультативно Аннэта занималась латынью и греческим. Конечно, в программе был и древнерусский язык. Учебная жизнь заполнена по максимуму:

Занимаюсь немецким раз в неделю. Читаем на этих уроках «Рембрандта» на немецком языке. <...> К 8 апреля хочу кончить курсовую работу. Взяла тему по античному искусству: «Маркс о греческой мифологии как основе греческого искусства». Тема очень интересная. <...> Напишу работу и опять буду заниматься древнерусским¹⁹.

К экзаменам Аннэта готовилась очень серьезно, о чем свидетельствует такая запись:

¹⁷ Пьеса Л. Б. Гераскиной «Аттестат зрелости» на рубеже 1940–1950-х гг. была поставлена во многих театрах страны. Скорее всего, А. Я. Басс смотрела ее на сцене Ленинградского ТЮЗа. *Прим. ред.*

¹⁸ Письмо родителям от 27 апреля 1949 г. // Архив семьи Басс.

¹⁹ Письмо родителям от 19 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

Каргера[◇] мы сдаем, кажется, 25-го. Два дня готовлюсь к экзамену. Сегодня вечером пойду в лекторий Горкома, там 1-я лекция из цикла Пушкинских, читать будет Гуковский[◇]. Это мне необходимо, т[ак] к[ак] в этом семестре мы сдаем Пушкина, все учебники не годятся, и надо ходить каждую пятницу²⁰.

«Владимирская Богоматерь» – подпись рукой Аннэты Басс на фотографии, отправленной родителям. «Владимирская» – так как фотография на Владимирском проспекте, а «Богоматерь» – потому что глаза закатились к небу Господню, как на иконах. Ленинград, апрель 1949
Архив семьи Басс

Разумеется, неслучайно, что, вспоминая учебу в университете, Аннэта рассказывает о преподавателях, очаровывающих студентов своей личностью, своими знаниями и потрясающей увлеченностью своим предметом. В основном это была профессура старой школы. К сожалению, послевоенные репрессии в отношении партийных руководителей, военных, врачей, ученых и представителей творческой интеллигенции были реальностью тех лет и университет не избежал этих «чисток». Наиболее драматические события разыгрались в конце марта – начале апреля 1949 года, через несколько месяцев после разгрома Ленинградской партийной организации. В Большом зале университета 5 апреля состоялось ставшее печально знаменитым собрание, на котором публично осудили четырех выдающихся профессоров филологического факультета Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гуковского, М. К. Азадовского и В. М. Жирмунского. По воспоминаниям Аннэты Яковлевны, в тот день занятия были отменены, но актовый зал был

---

²⁰ Письмо родителям от 2 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

полон: люди стояли в проходах и коридорах. Студенты обсуждали происходящее очень сдержанно, одно неосторожное слово могло повлечь за собой ярлык защитника космополитов.

В семье Аннэты не было принято обсуждать политику. Думаю, это было связано с тем, что К. А. Нейман – муж старшей сестры Якова Вениаминовича, – служивший с 1919 года с М. В. Тухачевским, был вместе с последним арестован и расстрелян в 1937 году, а его жена Мариам Вениаминовна²¹ как член семьи репрессированного была приговорена к восьми годам лагерей. Ей досталась нелегкая судьба жены военного: сначала кочевая жизнь по всем фронтам от Челябинска до Монголии, где родился старший сын Юрий, затем Витебск и Москва. Мужа направили преподавать в Военную академию имени М. В. Фрунзе, и вся семья обосновалась уже там, где их и застали страшные события 1937 года. Мариам пробыла в Карлаге²¹ до 1943 года, потом ее по состоянию здоровья отправили на поселение. Учитывая множество ограничений – не отбывшим срок в полной мере нельзя было селиться в областных городах, приближаться к Москве и Ленинграду ближе чем на 100 километров и многое другое, – она выбрала для жизни с младшим сыном город Муром, но не смогла найти себе работу по специальности. А ведь Мариам окончила в 1911 году зубо-врачебные курсы в Петербурге. Место врача нашлось только в Шиморском Нижегородской области, где они и жили до самой ее смерти в 1954 году²².

Подготовка к экзамену на третьем курсе. Гела Смирнова и Аннэта Басс. Ленинград, январь 1951

Архив семьи Басс

Однако о происходящем в университете невозможно умолчать, тем более это коснулось не только филфака. Аннэта писала родителям:

²¹ Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. *Прим. ред.*

²² Нейман В. К. Восставший из пепла...

Вы, вероятно, читали в газетах статьи об искусствоведах и театроведах. У нас творится что-то дикое. Пунина[◇],²³ выгнали из университета как буржуазного ученого. Специалист он был, пожалуй, лучший в Союзе. Но на лекциях говорил, что советское ис[кусст]во дрянь и что лучшего ис[кусст]ва, чем во времена Возрождения не было, нет и не будет. Все это действительно уже аполитично.

На кафедре истории искусств идет проверка студентов всех курсов. С нашего вызывали 3 человека. Может быть, будут еще вызывать. Спрашивают по советскому искусству, о последних событиях в Союзе Совет[ских] Худож[ников], о сессии Академии Художеств, в общем, хуже коллоквиума. Меня прямо дрожь пробирает при мысли, что придется там побеседовать²⁴.

Третий курс. Последний день сессии. «Заслуженная учительница РСФСР» – ироническая подпись на фотографии рукой Аннэты Басс. Ленинград, 21 января 1951

Архив семьи Басс

В другом письме Аннэта сообщала:

На факультете у нас большие перемены в связи с этой всей критикой буржуазных ученых. Сегодня было совместное заседание кафедры ис[кусст]ва, на котором объявили, что наше отделение ликвидируется и нас сливают с историками, остаются же специализации по искусству.

Диплом остается таким же, как был раньше. Больше внимания будут обращать на историю. Среди студентов, очевидно, будет чистка. Радоваться этим преобразованиям или нет, сами не знаем. Двух профессоров нашего

---

²³ Имеется в виду Пунин Николай Николаевич. Аннэта Басс была хорошо знакома с его племянником – Андреем Львовичем Пуниным.

²⁴ Письмо родителям от 2 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

университета сняли: Пунина и Трауберга[◇]. Пунин читал западноевропейское искусство, а Трауберг – киноискусство. Пунин – один из лучших специалистов Союза, но в своих лекциях давал студентам неправильное освещение истории искусства. Так что то, что вы читаете в газетах, мы ощущаем на собственной шкуре.

Сняли с деканства Мавродина[◇], теперь декан очень вредный. Как это для Мавродина – повышение или понижение, – непонятно²⁵.

Практически в каждом номере университетской многотиражки обличали неугодных, не стеснясь в выражениях и в лучших традициях наушничества: «...только из-за бесконтрольности и безответственности руководителей деканата, из-за недостаточной бдительности партбюро могли долгое время проповедовать свои „идеи“ на искусствоведческом отделении буржуазный эстет-формалист Пунин и растленный космополит Трауберг. Эти недостатки являются следствием потери большевистской принципиальности со стороны декана профессора В. В. Мавродина»²⁶.

---

²⁵ Письмо родителям от 14 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

²⁶ Цит. по: Сидоровский Л. Погром. Рассказ о том, как один негодяй уничтожил в Ленинградском университете всю экономическую науку // Заметки по еврейской истории. 2022. № 2–3. URL: <https://litbook.ru/article/16476/> (дата обращения: 02.09.2025).

На краю античного времени. Аннэта в центре. Керчь, лето 1952
Архив семьи Басс

В апреле Аннэта рассказывала родителям о студентке, попытавшейся защитить Леонида Захаровича Трауберга:

В субботу у нас был семинар по античному искусству в Эрмитаже, а с 1 до 6 – политинформация и групповое собрание. У нас в группе одна девочка-комсомолка написала письмо в «Ленинградскую правду» с защитой космополита Трауберга. Она слушала его курс киноискусства и точно не увидела в нем вредного. Вот мы и обсуждали ее поступок. Причем, посылая

письмо, она не прочла ни одной статьи в газетах о его ошибках, чтобы, как она говорит, не изменить своего мнения о нем.

Сегодня у нас курсовое собрание, на котором будут решать, исключать ее из комсомола или только выговор вынести²⁷.

Однако отделение не закрыли и даже не утвердили проект его реформы, приехавший из Москвы декан сказал, что все остается по-старому и из Москвы пришлют двух новых профессоров, о чем Аннэта рассказала в том же письме. Несмотря на все напряженные обстоятельства, учеба продолжалась.

По пятницам продолжаю ходить на лекции Кагана по марксистской эстетике, а в вечернем университете в Доме искусств лекции теперь не интересные. Энтелис[◇] музыку уже кончил читать, так что сейчас идет одна литература. Гуковского за космополитизм убрали из университета, поэтому и он там не читает²⁸.

На третьем-четвертом курсе из маститых преподавателей остались только Виталий Александрович Богословский[◇] и Элеонора Петровна Гомберг[◇]. Богословский вел семинары по архитектуре и читал лекции по истории искусства. Элеонора Петровна была прекрасным специалистом по русской литературе и по русскому искусству рубежа XIX–XX веков и занималась не только разрешенными передвижниками, но и немодными тогда Константином Сомовым, Михаилом Врубелем и другими представителями «Мира искусства».

На раскопках. Аннэта первая слева. Керчь, лето 1952
Архив семьи Басс

---

²⁷ Письмо родителям от 27 апреля 1949 г. // Архив семьи Басс.

²⁸ Письмо родителям от 8 апреля 1949 г. // Архив семьи Басс.

Наиболее интересными для Аннэты по-прежнему оставались спецкурсы: Михаил Каргер вел искусство Киевской Руси; Анна Иванова, которая впоследствии будет дипломным руководителем Аннэты, читала искусство римских провинций; Анна Николаевна Вигдорчик[◇] преподавала историю Нового времени; известный египтолог Милица Эдвиновна Матье[◇] вела искусство греко-римского и коптского Египта. Кроме античности, были спецкурсы, посвященные русским и западноевропейским художникам: Георгий Ефимович Лебедев[◇] читал о В. И. Сурикове, Элеонора Петровна Гомберг – о И. Е. Репине, Ирина Павловна Глинская[◇] – о Рембрандте.

После сдачи летней сессии, как у всех студентов в советское время, у Аннэты были разные практики, а также поездки в стройотряды. Надо было поднимать страну после войны. Эти поездки сильно укорачивали летние каникулы, а следовательно, и пребывание любимой дочери в Куйбышеве, и Аннэта писала родителям:

Не расстраивайтесь, дорогие... ехать необходимо так же, как в войну необходимо было всем, кто может идти на фронт. Комсомольцы Ленинграда обязались построить 15 электростанций для колхозов Ленинградской области, из которых одну должен построить университет. У нас все комсомольцы едут на стройку, даже те, кто живет на Дальнем Востоке. Вообще это добровольно, но не ехать – совесть не позволяет²⁹.

Летом 1951 года студенты истфака ЛГУ – 120 человек со всех курсов – отправились на стройку в Приозерский район Ленинградской области. Работать нужно было в двух колхозах, расположенных на противоположных берегах огромного озера: 6 километров по озеру и 14 в обход. Основная работа Аннэты была на кухне: чистила картошку ведрами, варила супы и руководила.

Родителям, как всегда, писала содержательно и обстоятельно:

Все дни очень занята, сплю 3–4 часа, а так целый день на кухне. Но все-таки не очень тяжело, я думала, будет хуже. <...> Мамочка! Напрасно ты беспокоишься, ребята у нас очень хорошие, и отношения с ними тоже простые, дружеские, но всё в меру. Ты ведь меня знаешь, как я обычно бываю с ребятами, так и тут. Мямлин (однокурсник. – Н. Б.) разве иногда, как мы считаем, ведет себя по-хамски – знает, что надо что-нибудь принести, подать, и не делает этого нарочно. Это уж самое тяжелое преступление³⁰.

О «кухонном быте» тоже рассказывала:

На кухне у меня все, как положено в настоящих столовых. Плита небольшая, но очень хорошая; ребята мне каждый день усовершенствования вводят. Сначала было очень тяжело с кастрюлями, теперь и посуду еще привезли. Продукты получает начпрод (начальник продовольствия. – Н. Б.), девушка со II курса, я только готовлю. На кухню на сутки присылают наряд – двух девушек и двух ребят. Я в основном только руковожу.

Несомненно, способность руководить Аннэта унаследовала от мамы и бабушки!

---

²⁹ Письмо родителям от 14 марта 1949 г. // Архив семьи Басс.

³⁰ Письмо родителям от 4–8 июля 1953 г. // Архив семьи Басс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.